

ШКОЛА ТЕНИ

ПРИЗРАК МАЛЬЧИКА
В ПИЖАМЕ

Новое фэнтези от автора «Ночных тетрадей»!

ДЖ. Э. УАЙТ

Школа Тени

Дж. Э. Уайт

Призрак мальчика в пижаме

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уайт Д.

Призрак мальчика в пижаме / Д. Уайт — «Эксмо»,
2019 — (Школа Тени)

ISBN 978-5-04-164565-6

Все обязаны покинуть школу Тени до наступления темноты. Это правило соблюдают здесь и ученики, и учителя. Ходят слухи, будто после заката по зданию бродит призрак основателя школы Элайджи Тени, который погиб на чердаке при очень странных обстоятельствах. Новенькой ученице, Корделии Лю, очень хотелось бы верить, что всё это просто глупые сказки. Но так уж вышло, что она и её одноклассник Бенджи Нуньес связаны одной общей тайной! В отличие от болтунов, которые сами не знают, о чём говорят, они с Бенджи действительно видят призраков. И в школе призрак далеко не один. Их десятки! Это место – настоящий магнит для них! И кажется, кому-то это только на руку...

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-164565-6

© Уайт Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

1	6
2	8
3	14
4	18
5	25
6	29
7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дж. Э. Уайт

Призрак мальчика в пижаме

J. A. White

Shadow School #1: Archimancy

Copyright © 2019 by J. A. White

© Хромова А. С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Интересный сюжет и таинственная атмосфера... Пробирает до мурашек!

Booklist

Хорошее сочетание юмора, тайны и ужасика для подростков.

Kirkus Reviews

* * *

Посвящается Ишн.

Всегда твой

1

Человек в окне

Корделия Лю разглядывала новую школу, не веря своим глазам.

Это же не учебное заведение, это какой-то зловещий старинный замок! Всё такое неестественно-симметричное, как будто школа сошла со страниц детской книжки-раскладушки. Над левым крылом здания несколько конусовидных башен, и точно такие же башни над правым крылом, не считая множества разнообразных шпилей. А ровно посередине окно с аркой высотой в несколько этажей, похожее на зияющую рану.

На кирпичной стене красовалась медная табличка:

СРЕДНЯЯ ШКОЛА ЭЛАЙДЖИ З. ТЕНИ
5–8 КЛАССЫ
ЗНАНИЕ.ХАРАКТЕР. ДУХ

Корделия до сих пор не подозревала, что название школы такое длинное: местные её звали попросту «школа Тени». Она удивилась и испытала некоторое облегчение, обнаружив, что школа носит имя реального человека. А то сегодня ночью во сне её преследовали учителя-тени...

«Этот Элайджа Тени небось просто богатый дядька, который построил здание на свои деньги, – подумала Корделия, чувствуя себя дурочкой. – Просто нудный дядька со странной фамилией. Итальянец небось. Только и всего!»

Корделия передёрнула плечами. Её ветровка дома, в Калифорнии, считалась достаточно тёплой, но тут, в Нью-Гэмпшире, явно была не по погоде. Девочка собиралась уже влиться в толпу учеников, входящих в школу, как вдруг заметила мужчину в сером костюме-тройке, который смотрел на неё из окна верхнего этажа. Выражения лица ей отсюда было не видно, но он заметно сутулился. «Похоже, не мне одной тут не нравится», – подумала Корделия, решив, что это кто-то из учителей со старомодными представлениями о том, как следует одеваться. Корделия из вежливости помахала ему рукой.

Мужчина разинул рот, как будто бы ему не верилось, что она в самом деле его заметила. Но вместо того, чтобы просто помахать в ответ, он с размаху хлопнул ладонями по стеклу и уставился на девочку с пугающей пристальностью...

Корделия снова передёрнула плечами. И на этот раз уже не от холода.

«Да что с ним такое, с этим дядькой?» – подумала она, отворачиваясь от его странного, неподвижного взгляда. И заторопилась к школе, к теплу и голосам. Прежде чем переступить порог, Корделия рискнула ещё раз посмотреть на окно. Мужчина исчез.

2

Мистер Дерлет и миссис Эйкман

Поначалу Корделии показалось, будто она каким-то образом попала не в то здание. Стены высокого холла были оклеены обоями с бело-золотым узором, которые идеально сочетались с клюквенно-алым ковром. Коридоры освещались бронзовыми канделябрами. На второй этаж вилась широкая лестница с ореховыми перилами.

«Не может быть! Школы такими не бывают!» – подумала Корделия.

Однако же, приглядевшись, она увидела более привычные детали: табличку «Канцелярия», учительниц, остановившихся поболтать перед началом занятий, разукрашенные доски с объявлениями... Само здание выглядело как особняк зловещей одинокой старухи, но внутри кипела нормальная, повседневная школьная жизнь.

Корделия получила расписание по почте и знала, что её классный руководитель – мистер Дерлет, который работает в кабинете 211. Едва не налетев на женщину, уткнувшуюся в свой мобильник, она взбежала по лестнице и очутилась в просторном коридоре с тёмно-синими стенами. Корделия посмотрела на номер на двери напротив – 234, номер кабинета справа – 233 и пошла по убыванию номеров сквозь вереницу расположенных через равные промежутки арок. Тут было тише, чем в её прежней школе. Мало того, что ковры глушили шаги – ещё и сами школьники разговаривали вполголоса, как будто опасались, что их всё время кто-то подслушивает. Корделия представила себе первый день занятий в Риджвуде. Наверно, сейчас её лучшие подруги, Мэйбл и Эва, идут себе под ручку под восхитительный гомон буйных школьников... И тут она вдруг вспомнила, что время в Калифорнии на три часа отстаёт от Нью-Гэмпшира. Мэйбл с Эвой небось ещё спят.

Корделия внезапно почувствовала себя ещё более одинокой. Выходит, от прежней жизни её отделяет не только расстояние, но и время...

Дойдя до кабинета 215, Корделия решила, что уже почти пришла, но номера внезапно перестали притворяться последовательными: за 215-м шёл 242-й, а потом, по какой-то непостижимой причине, вообще 32А. А нужного кабинета, 211, нигде не было. Корделия хотела было вернуться назад и начать сначала, но потом решила, что лучше кого-нибудь спросить.

– Извини, – обратилась она к проходившей мимо девочке, которая шла одна и тащила за собой рюкзак на колёсиках, будто путешественница в аэропорту, – ты не знаешь, где тут двести одиннадцатый кабинет?

Девочка оглянулась через плечо, как будто Корделия обращалась не к ней, а к кому-то ещё. Она была плотненькая, с глубоко посаженными зелёными глазами и светлыми волосами, собранными в практичный хвостик. И во фланелевой рубашке навывпуск.

– Я сама иду в двести одиннадцатый, – ответила девочка. – У нас, наверно, один и тот же классный руководитель. Мистер Дерлет, да?

Корделия кивнула.

– Можем вместе пойти, если хочешь, – предложила девочка.

– Давай! Меня Корделия зовут.

– А меня Агнеса.

Они пошли по коридору. Агнеса была намного выше Корделии – впрочем, это ей не помогало, – держалась она как-то робко, с опаской.

– Я тебя, кажется, в том году не встречала, – сказала Агнеса. – Ты, наверно, новенькая?

– Первый день сегодня.

– У нас тут, в школе Тени, запросто можно заблудиться, если не знаешь, куда тебе надо. Для меня-то это не проблема. У меня энторинальная область очень мощная. Это такой участок мозга, который отвечает за чувство направления. А у тебя с энторинальной областью как?

– Знаешь, как-то никогда об этом не думала.

– Хорошо тебе, наверно, – сказала Агнеса. – Я вот обо всём думаю. Даже когда мне не хочется. Мама говорит, у меня мозги всё равно, что сосед, который врубает музыку и не соглашается сделать потише, сколько его ни проси. Ой, извини! Мы ж только что познакомились. Мне бы следовало побольше узнать о тебе...

И она уставилась куда-то в пространство, как будто мысленно прокручивала список вопросов, которые следует задать.

– А у тебя есть аллергия на орешки? – спросила она наконец.

Корделия покачала головой.

– Обожаю орешки!

Агнеса улыбнулась, сверкнув голубыми брекетами.

– И я тоже! Даже арахис. Хотя арахис на самом деле не орех. Это бобовое растение. Но как-то все уже привыкли, что это орешки, так что пусть будут орешки, ладно?

– Ладно... – кивнула Корделия, не зная, что думать об этой странной девчонке. – А мистер Дерлет, он какой, приятный человек?

– Не знаю, – сказала Агнеса. – Он в школе новенький. В школе Тени в начале года всегда появляется куча новых учителей. Прежние обычно за лето находят себе новую работу. А иногда и до конца учебного года не дорабатывают. Вон, наша вторая математичка в прошлом году взяла и ушла прямо с урока, и больше мы её не видели. Наверно, им тут жутко, в этой школе.

Они миновали картину маслом, на которой была изображена девочка в старомодной ночной рубашке. В ручке у девочки болтался плюшевый мишка, истекающий тёмной набивкой.

– И с чего бы это? – пробормотала Корделия.

Они очутились в просторном холле. Тут никаких ковров не было. Пол был выложен мозаичными треугольничками. Молодая учительница в красивом платье – пожалуй, чересчур шикарном для школы, – смотрелась в старинное напольное зеркало.

– Какое же тут всё огромное! – воскликнула Корделия.

– Ничего, привыкнешь, – сказала Агнеса. – Но одной лучше не ходить, пока не научишься ориентироваться. И на третий и четвёртый этаж тоже не суйся. Там вообще лабиринт. А потом, у шестых классов там занятий и не бывает.

– Приятно слышать, – сказала Корделия.

– Я сегодня могу побыть твоим проводником и позаботиться о том, чтобы ты не опаздывала на занятия.

Агнеса неловко запнулась, потеревшая подол своей рубашки.

– Ну, если хочешь, конечно. Если ты предпочтёшь найти кого-нибудь другого, я пойму. Наверно, на твоём месте я бы тоже предпочла кого-нибудь другого...

– Да нет, я с удовольствием! – перебила Корделия и с удивлением обнаружила, что говорит искренне. Агнеса, конечно, странненькая, но Корделии она начинала нравиться.

Двести одиннадцатый оказался между двести тридцать девятым и подсобкой. Если бы не парты и доска, он бы скорее напоминал гостиную, чем школьный класс: стены, обшитые деревом, камин, длинный чёрный диван в дальнем конце комнаты. Корделия плюхнулась на первое же свободное место, какое увидела. Некоторые ученики наблюдали за ней с умеренным интересом: в конце концов, она же новенькая. Агнеса, опустив голову, прошла на заднюю парту. На неё вообще никто внимания не обратил.

– Доброе утро! – сказал мистер Дерлет. Выговор у него был чуточку гнусавый, как у жителей южных штатов. Он оказался высокий, с аккуратно подстриженной бородкой и самыми грустными глазами, какие Корделия видела в своей жизни. Костюм висел мешком на его костлявой фигуре. – Меня зовут мистер Дерлет. Я буду вашим классным руководителем и преподавателем обществоведения. Я многого жду от этого учебного года, который мы проведём вместе.

Пока мистер Дерлет проводил переключку, Корделия пыталась запомнить, кого как зовут. Нолан Блат был лохматый мальчишка, ведущий безнадёжную войну с прыщами. Франческу Кальвино пришлось вызывать два раза, потому что она сидела, уткнувшись в книжку. Мэйсон Джеймс, самодовольный парень с каштановыми волосами, кончики которых выкрашены красным, вместо «Здесь!» ответил «Отсутствует!» и немедленно стукнулся ладонями со своими приятелями в таких же футбольных майках, как и он. Мистер Дерлет поднял взгляд и явно решил не обращать на них внимания, так, словно одёргивать их чересчур утомительно.

Когда переключка уже завершилась, в класс вошёл ещё один ученик. Его руки не показывались из карманов. На ученике была чёрная толстовка, и шёл он, низко опустив голову. Корделия мельком увидела длинные волосы и чёрные глаза.

– Бенджи Нуньес, насколько я понимаю? – спросил мистер Дерлет, пробежав глазами список.

Мальчик коротко кивнул и сел позади Корделии. Мистер Дерлет прислонился к своему столу, совершенно пустому, безо всех обычных учительских причиндалов и семейных фоточек, и окинул взглядом их застывшие в ожидании лица. Смотрел он отстранённо, как будто и не видел их.

– Потрясающее здание, – произнёс он. – У него такой вид, словно сюда должны пускать по билетам, как в старинные усадьбы в Род-Айленде. Представления не имею, откуда у города деньги на такую роскошную школу, но...

Одна из девочек подняла руку. Корделия попыталась вспомнить, как её зовут. Мария? Мелисса?

– Да, Миранда? – сказал мистер Дерлет.

– У меня папа в комиссии по образованию, – сказала Миранда. – Он мне говорил, что городу эта школа не стоит ни цента. Здание принадлежит семье Тени, но они обеднели и не могли себе позволить выплачивать налоги, так что вместо того, чтобы отказаться от своей собственности, они заключили сделку. Они не платят налогов, а город за это может использовать здание как школу. Папа говорит, что в соглашение входит пункт, что тут нельзя ничего менять, потому что здание такое историческое и всё вот это. Потому-то всё такое старомодное.

Мистер Дерлет слушал Миранду, опустив голову и полуприкрыв глаза. Корделия сперва подумала, что он просто устал – судя по мешкам под глазами, со сном он не дружил, – но оказалось, что учитель просто так сосредотачивается.

– Очень интересно, Миранда, – сказал он. – Я очень рад, что школу Тени поддерживают в первоизданном состоянии. Я летом провёл несколько вечеров в городском историческом обществе, чтобы удовлетворить своё праздное любопытство. История школы Тени по меньшей мере

из ряда вон выходящая. Быть может, за этот учебный год вы со мной поделитесь какими-нибудь местными легендами, каких ни в одной книге не найдёшь. Мне бы хотелось узнать об этом очаровательном месте как можно больше...

Прозвенел звонок. Классный час был окончен. Ученики вскочили с мест, и мистер Дерлет вскинул руку, останавливая их.

– Прежде, чем вы пойдёте на словесность, несколько коротких объявлений, – сказал он и заглянул в бумажку. – Если вы должны досдать в канцелярию какие-то документы, пожалуйста, сделайте это до пятницы. Занятия оркестра начнутся только через две недели, но вам следует списаться с госпожой Шверин по поводу аренды инструмента, если вы этого ещё не сделали. Доктор Рокени просит напомнить, что охрана запирает двери ровно в пять. После наступления темноты ученикам в школе находиться запрещается. Без исключений. На обед сегодня макароны с сыром.

Мистер Дерлет чуть заметно улыбнулся.

– Всем хорошего дня!

Кабинет словесности, где обитала миссис Эйкман, выглядел тёмным и неприветливым. Доска объявлений в дальнем конце класса была увешана некрологами. Покойники были все знаменитые поэты. Корделия увидела, в числе прочих, Эдгара По, Эмили Дикинсон и Шекспира. Сверху по трафарету было написано:

ОНИ УМЕРЛИ, НО ИХ СЛОВА ЖИВУТ.

Сама миссис Эйкман была крохотная женщина с голубыми глазами и колючим ёжиком седых волос. Она замахала руками, призывая учеников заходить, позванивая браслетами на тонких запястьях.

– С утром! – сказала она, расхаживая взад-вперёд. – Обратите внимание, я не говорю «С добрым утром». Я никогда не позволю себе быть столь опрометчивой. Ведь с кем-то из вас, мои мужественные детки, могла случиться ужасающая трагедия. Быть может, посреди ночи вашим родным позвонили и сообщили о безвременной кончине вашего возлюбленного родственника. А может быть, ваш Усатик – милый, ласковый котик, – попал под грузовик! Утро добрым не бывает, по крайней мере – не для всех.

Она прижала руку к сердцу.

– И эта боль творит чудеса! Ибо лишь из душевных мук и горя рождается великая литература! Ну, а теперь – кто у нас Корделия?

Корделия нехотя подняла руку. Заскрипели стулья – все обернулись к ней. Корделии захотелось спрятаться под парту.

– Мне до смерти хочется знать, – сказала миссис Эйкман, – тебя назвали в честь Корделии из «Короля Лира»? Это знаменитая пьеса Уильяма Шекспира, – добавила она, обращаясь ко всему классу. – Трагедия!

Корделия вежливо кивнула. Её уже не впервые об этом спрашивали.

– Мои родители познакомились в колледже, на семинаре по Шекспиру, – объяснила она.

– Ужасно романтично! – сказала миссис Эйкман. – В пьесе, дети, Корделия – добрая, почтительная дочь короля. Но у неё есть две ужасных сестры! Гонерилья и Регана.

Она вопросительно вскинула брови, обращаясь к Корделии.

– А у тебя тоже есть злые сёстры?

– Нет, я в семье одна.

– Какая жалость. Сколько интересного ты могла бы написать на личных нарративных занятиях! Кстати, дети, всегда полезно начать новый учебный год с небольшого эссе. Пожалуйста, достаньте тетради и...

Тут в класс, глядя в пол, проскользнул Бенджи Нуньес и сел на место. Миссис Эйкман бросила на него неодобрительный взгляд и продолжила:

– И напишите пару страниц о вашем самом печальном воспоминании за минувшее лето. Агнеса подняла руку.

– Извините, пожалуйста, – сказала она, – я просто хотела уточнить. Вы действительно сказали «самом печальном»?

– Да-да, именно так.

– А я лето провела просто замечательно! – вмешалась Миранда. – У нас роскошный загородный дом в штате Мэн, на берегу озера. Мы каждый день...

Миссис Эйкман изобразила громкий храп.

– Про счастливых людей читать никому не интересно! – сказала учительница. – Чтобы по-настоящему взволновать читателя, нужно вонзить кол себе в душу и свободно изливать свою боль. Скверные каникулы! Ужасный солнечный удар! Умерший родственник! Вот это тема для сочинения!

Ученики раскрыли тетрадки и принялись писать. Корделия всегда считала, что писатель из неё так себе, но на эту тему писать оказалось проще простого. Начала она с того, как родители сообщили ей, что они переезжают (тут она понаставила кучу восклицательных знаков, чтобы передать всё своё негодование и потрясение), а потом написала обо всех друзьях, которые остались у неё в Калифорнии. В последних фразах Корделия рассказала, как она проснулась в первое холодное утро в Нью-Гэмпшире и как расплакалась в подушку, осознав, что прежняя жизнь кончилась навсегда.

Дописав, Корделия закрыла тетрадку и стала ждать, пока её одноклассники закончат свои сочинения. И услышала, как двое мальчишек справа от неё шепчутся между собой.

– А я вчера дотронулся до двери чердака! – сказал один. Это был тот, что с красными кончиками волос. «Мэйсон», – вспомнила Корделия.

– Да ладно, – сказал второй, конопатый, с длинным, лошадиным лицом. – Вчера и школа-то была закрыта.

– Для учеников – закрыта, – ответил Мэйсон. – А учителя все были здесь, обустроивались в своих кабинетах. Так положено. И никто даже не заметил, как я пробрался на четвёртый этаж!

Второй мальчишка уважительно кивнул.

– И что, она правда горячая, как рассказывают?

– Прямо жжётся! – Мэйсон ещё сильнее понизил голос. – И это ещё не всё! Я наклонился поближе к двери – а там треск такой, как будто костёр горит.

– Выдумываешь! – сказал второй мальчишка. В его голосе слышался страх.

– Сходи сам да проверь, если мне не веришь, – ответил Мэйсон.

– А вот возьму да и схожу!

– Да не сходишь ты. Побоишься, как и все остальные. И знаешь ещё что? В тот момент, когда я коснулся дверной ручки, я услышал жуткий вопль! Это был Элайджа Тени, это точно! Он всё ещё горит, через столько...

Тут миссис Эйкман цыкнула на них, и мальчишки сделали вид, будто пишут. «О чём это они?» – гадала Корделия. Нет, не то чтобы она поверила Мэйсону – он же явно пытался напугать страху на своего легковверного приятеля, – но всё равно ей сделалось любопытно, откуда взялась эта история.

«Что же там произошло, на этом чердаке?»

Через несколько минут миссис Эйкман объявила, что начинает вызывать желающих поделиться своим эссе с классом. Корделия съежилась, от всей души надеясь, что учительница её не вызовет: ей вовсе не улыбалось делиться своими сокровенными мыслями с целым классом чужих людей. К счастью, добровольцев и без неё нашлось предостаточно. Миссис Эйкман

вызвала мальчика по имени Грант Томпсон. Грант вышел к доске, выдержал паузу, откашлялся и начал читать.

Его эссе называлось «Лето, когда умерли все мои животные».

– Первым умер мой хомячок, – прочёл Грант трагическим тоном. – Но он был далеко не последним!

Питомцев у Гранта было много, и к четвёртым похоронам во дворе Корделия начала глазеть по сторонам. Именно поэтому она смотрела в нужную сторону, когда мимо открытой двери класса прошла женщина в хирургическом костюме. На лице у неё была одноразовая маска, и руки в перчатках она держала на весу, как будто только что продезинфицировала их перед операцией. Корделия вскинулась на своём месте и привлекла внимание сидевшей рядом Агнесы.

– Ты видела?! – шёпотом спросила Корделия, кивая в сторону двери.

– Кого? – спросила Агнеса.

Корделия принялась было объяснять, потом покачала головой: миссис Эйкман обернулась в их сторону, а ей не хотелось нарываться на неприятности в первый же день в школе. И потом, она уже успела придумать совершенно логичное объяснение странному виду той женщины: небось это учительница естествознания решила удивить учеников в первый учебный день. «Тут все такие странные!» – подумала Корделия и сникла. Она представила светлые коридоры школы Риджвуд, где учителя ходят в нормальной одежде и школьники пишут про самые лучшие воспоминания, а не про самые грустные...

Сейчас она тосковала по своей прежней жизни больше, чем когда бы то ни было.

3

Малыш под трибуной

День шёл своим чередом. Прочие учителя оказались довольно разношёрстными. Учительница художки, госпожа Перес, Корделии понравилась: она сама выглядела как старшеклассница и в конце урока раздала всем шоколадки и наклейки. Учительница естествознания, госпожа Пэйтел, тоже была молодая, но в остальном полная противоположность госпожи Перес: та беззаботная, эта сверхорганизованная, та снисходительная, эта требовательная. Но больше всего Корделии не понравилась миссис Мэйчен: старая карга, которая искренне ненавидела детей и выглядела так, словно ей уже лет десять как пора на пенсию. Миссис Мэйчен явно считала, что единственный способ выучить математику – это непрерывно корпеть над примерами, и по этому поводу дала на дом целую пачку распечаток с заданиями.

К седьмому уроку Корделия почувствовала, что больше не может. После безалаберной свободы летних каникул ей совершенно не сиделось за партой. Через десять минут после начала урока обществоведения Корделия отпросилась в туалет и сбежала из класса. Она прошла мимо канцелярии и побрела по неизвестному коридору куда глаза глядят, подслушивая на ходу обрывки разных уроков. Учителя спокойно объясняли, чем они будут заниматься и чего они ждут от учеников (кроме миссис Мэйчен, которая распекала перепуганного пятиклашку за то, что тот забыл разницу между числителем и знаменателем). После того, как она несколько раз свернула наугад, в коридорах сделалось очень тихо. «Похоже, у них тут куда больше места, чем требуется», – подумала Корделия и заглянула в окошечко на двери ближайшего класса. В центре тёмной комнаты стоял один-единственный стул.

Корделия попятилась.

Ещё несколько поворотов – и она очутилась в коротком коридорчике без дверей. Тупик. На дальней стене висела большая фотография. Корделия подошла поближе. На фотографии был седой чернокожий мужчина за чертёжным столом, в рубашке с закатанными рукавами. Мужчина, казалось, не замечал, что его фотографируют: он был полностью поглощён работой. Его глаза горели такой одержимостью, что Корделии сделалось немножко не по себе.

– Это единственное известное фото Элайджи Тени, – сказали у неё за спиной.

Корделия ахнула от неожиданности и развернулась. Она увидела перед собой высокую, элегантную женщину со светло-коричневой кожей, с пышными кучерявыми волосами, уложенными в высокую причёску.

– Извини, что напугала, – сказала она, протягивая руку. – Меня зовут доктор Рокени, я тут директор.

Корделия пожала протянутую руку. Пальцы у доктора Рокени были как у пианистки, длинные и изящные.

– Корделия Лю. Приятно познакомиться!

– Взаимно, – сказала доктор Рокени. – Раз уж представился такой случай, разреши поздравить тебя с поступлением в нашу школу. А то ведь мы до сих пор с тобой так и не познакомились, а жаль. Летом у нас было знакомство со школой для новых учеников, но ты, я так понимаю, не смогла выбраться.

– Да мы же и не собирались переезжать, – сказала Корделия. – Но тут папа потерял работу, и вот...

– И вся твоя жизнь полетела вверх тормашками, – сказала доктор Рокени с неподдельным сочувствием. – Это очень тяжело, Корделия. Уж я-то знаю. А вы откуда приехали?

– Мы жили в окрестностях Сан-Франциско.

– Как мне всегда хотелось повидать западное побережье! – мечтательно сказала доктор Рокени. – Там правда так здорово, как рассказывают?

– Даже лучше.

– Ну что ж, Калифорния потеряла, мы приобрели. Пляжей у нас, конечно, нет, но Ладлоу тоже городок неплохой. И у нас в школе Тени тебе будет хорошо, я уверена. Как тебе пока что, нравится тут?

– Э-э... – протянула Корделия, не желая обидеть директора. – Ну, это не совсем то, чего я ожидала...

– Ты хочешь сказать, что твоя прежняя школа не была похожа на зловещую викторианскую усадьбу? – с напускным изумлением спросила доктор Рокени.

Корделия улыбнулась и мотнула головой.

– Это здание не было рассчитано на то, чтобы служить школой, – сказала доктор Рокени. Она указала на фотографию Элайджи Тени. – На самом деле, это был его дом. Элайджа сам его спроектировал. Про чердак тебе уже рассказывали?

– Ну, я подслушала, как двое мальчишек из нашего класса об этом шептались...

– Дай угадаю, – сказала доктор Рокени. – Раскалённая дверь, да? Треск пламени? Жуткие вопли?

– Ну да, примерно.

– О, это наша школьная легенда! – кивнула доктор Рокени. – Призрак Элайджи Тени обитает на чердаке, где он погиб, и если осмелишься отворить дверь, он тебя сцапает и утащит с собой в вечное пламя!

Доктор Рокени рассмеялась.

– Смехота, конечно, но я лично не против. Детям всё равно не стоит туда лазить. На чердаке опасно. Его ведь так толком и не отремонтировали после пожара.

– Так пожар всё-таки был? – спросила Корделия.

– Был, конечно! – сказала доктор Рокени. – И Элайджа Тени в самом деле погиб именно тогда. В подобных историях обычно присутствует зерно истины. Но остальное...

Тут в руке у доктора Рокени зажужжал телефон. Она посмотрела на экран и нахмурилась.

– Извини, тут дело, срочно требующее моего внимания... Дорогу в класс сама найдёшь?

– Ну ещё бы! – сказала Корделия, которой хотелось произвести впечатление на директора.

– Очень приятно было побеседовать, – сказала доктор Рокени. Она отошла на несколько шагов, потом обернулась. – А кто твой классный руководитель?

– Мистер Дерлет.

– А, из новеньких! – сказала доктор Рокени. Лицо у неё сделалось серьёзным. – Он не забыл вас предупредить, что все ученики обязаны покинуть школу до наступления темноты?

Корделия покивала.

– Отлично, – сказала доктор Рокени. – Просто хотела лишний раз убедиться.

Пытаясь отыскать дорогу назад, в класс обществоведения, Корделия размышляла над услышанным. «Тут, в школе, погиб человек. И все думают, что его призрак обитает на чердаке...» Корделии хотелось верить, что это просто глупые сказки, как и говорила доктор Рокени. Но, с другой стороны, школа Тени и в самом деле выглядела как дом с привидениями. И не странно ли, что в здание никого не пускают после наступления темноты? «Может быть, в это время Элайджа Тени спускается с чердака, бродит по коридорам, ищет, кого бы утащить с собой на вечные муки...»

Корделия была так поглощена этими мыслями, что почти не обращала внимания на то, куда идёт. И через несколько минут очутилась в какой-то части школы, которую она вообще не узнавала. «Моя энториальная область никуда не годится», – подумала Корделия. Тут даже и дорогу-то спросить не у кого! Коридоры абсолютно пусты, в классах темно...

И тут она услышала чей-то плач.

Наверняка кто-то из учеников, хотя мальчик это или девочка, Корделия понять не могла. И непохоже было, что плачут от боли. От боли плачут, коротко всхлипывая, хватая воздух ртом, а это были тихие, размеренные рыдания. Так может позволить себе плакать тот, кто уверен, что его никто не слышит. Корделия решила помочь. Она пошла на звук и очутилась в спортзале без окон, знававшем лучшие времена. Пол кое-где вспучился. Под потолком горело всего несколько мигающих ламп. На другом конце зала стояла раздвижная трибуна, которую можно убирать, чтобы в зале стало больше места, хотя сейчас трибуна была разложена.

Вот из-под неё-то и доносился плач.

– Эй! – окликнула Корделия, идя к трибуне. – Что случилось?

Она обогнула трибуну и заглянула под неё сбоку. В темноте стоял на коленях малыш лет четырёх-пяти, и плечики у него вздрагивали от рыданий. На малыше была тёмно-синяя пижамка. Штанишки разрисованы вагончиками, а на маечке красовался сине-зелёный локомотив.

«Бедный ребёнок!» – подумала Корделия. Сердце у неё растаяло. Она пригнулась и зашла под трибуну.

– Эй, мальчик! – сказала она вполголоса, чтобы не напугать ребёнка. – Меня зовут Корделия. Мне одиннадцать. А тебе сколько лет?

Малыш не обернулся, но ей показалось, будто рыдания сделались потише. Расценив это как готовность общаться, Корделия подошла поближе. Это было не так-то просто. Под трибуной было тесно.

И тут неожиданная мысль заставила её застыть на месте.

«А что он тут делает?»

В школу Тени можно попасть только с пятого класса. Малыш явно не из учеников. Откуда же он тут взялся? И почему на нём пижама, а не нормальная одежда?

По рукам у неё поползли мурашки от страха.

«Нельзя же быть такой трусихой!» – одёрнула себя Корделия. – Малыш просто заблудился. Ему надо помочь!»

– Как ты здорово спрятался! – сказала Корделия, присаживаясь на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с малышом, когда тот обернётся. – Но, может, всё-таки пойдём отсюда? Тебя же, наверно, мама с папой ищут!

Малыш не шелохнулся. Корделия подалась поближе.

– Они же, наверно, ужасно переживают! – сказала Корделия и осторожненько потянулась взять его за плечо. – А на улице погода-то какая! Может, всё-таки выйдешь...

Её рука прошла сквозь плечо мальчика, как будто его не было.

Пальцы обожгло колючим холодом, как будто она их в снег сунула. Мальчик поднялся на ноги и обернулся к ней. На нём были толстые очки, глаза голубые, расширенные от изумления, словно это Корделия была бестелесным существом. Колёсики в голове у Корделии завертелись вхолостую, будто у игрушечного поезда, сошедшего с рельсов. Она пыталась осознать, что происходит, и никак не могла.

«Это же... это... это...»

Мальчик сделал шаг в её сторону. Корделия попыталась попятиться, но ноги сделались как резиновые, и она упала на пол. Мальчик наклонился и с любопытством уставился на неё, потом протянул руку, чтобы потрогать её за лицо. Корделия, заледенев от ужаса, смотрела на приближающуюся ручонку.

Она завизжала.

Мальчик зажал уши и повернулся к ней спиной. Корделия не стала ждать, чтобы посмотреть, что он станет делать дальше: она, не вставая, крабиком пробежала по полу, выскочила на свет мигающих ламп и остановилась только на другом конце спортзала. Она не отрывала глаз от трибуны, ожидая, что мальчик вылезет оттуда и погонится за ней. Но мальчик не вылез.

Корделия медленно поднялась на ноги, пытаясь объять разумом случившееся.

«Я видела привидение...» – подумала она.

Выходя из спортзала, Корделия услышала, как кто-то всхлипывает. Она оглянулась на трибуну, подумав, что это снова тот мальш. Но потом поняла, что всхлипывает она сама.

4

Слушай

Как только родители вернулись с работы, Корделия затащила их в гостиную и всё рассказала. Она рассчитывала, что ей посочувствуют. Обнимут. И пообещают, что они первым же рейсом вернутся домой, в Калифорнию.

Вместо этого мама тяжело, разочарованно вздохнула и сказала:

– Корделия, ты достаточно ясно давала понять, что тебе не хочется ходить в школу Тени, но призрак? Ну ты что, вообще?

– Мам, это же правда! – дрожащим голосом настаивала Корделия.

Тем, кто их недостаточно хорошо знал, родители Корделии казались странной парой. Мама – белая американка, высокая и худощавая. Папа – низенький, пухленький китаец. Миссис Лю была мила и общительна, она уже успела завести здесь десяток новых подруг. Мистер Лю почти не открывал рта. Но несмотря на всё несходство, они много смеялись и редко спорили, особенно когда речь шла о воспитании их единственной дочери.

Вот и сейчас родители переглянулись и, как обычно, поняли друг друга без слов.

– Понимаешь, радость моя, не то, чтобы мы тебе не верили, – сказала миссис Лю, откинув с лица белокурую прядь. – По крайней мере, мы верим, что ты веришь в то, что ты что-то такое видела. Но просто...

– Привидений не бывает, – сказал мистер Лю.

Корделия глубоко вдохнула и выдохнула, пытаясь сдержать нарастающее ощущение бессилия. Внешне она была больше похожа на папу. А вот характером – вылитая мама.

– Но я же знаю, что я видела! – возразила Корделия.

– И мы понимаем, как тебе хотелось остаться в Калифорнии, – ответила миссис Лю. – Ну сама посуди – что выглядит логичнее: ты увидела страшную тень и вообразила привидение, что заодно даёт тебе повод не ходить в новую школу, – или ты и в самом деле видела привидение?

– Ничего я не вообразила! – настаивала Корделия. Щёки у неё покраснелись. – Я видела настоящее...

– Да, этот переезд очень тяжело на тебе сказался, – продолжала миссис Лю. Она увидела, что муж смотрит в пол, и похлопала его по руке. – На всех нас. Но теперь наш дом здесь. И чем скорее ты с этим смиришься, тем скорее ты научишься радоваться своей новой жизни.

– Ну и ладно! – воскликнула Корделия, вскочив на ноги. – Не верите – и не надо! Но я в эту школу больше не пойду! И вы меня не заставите!

– Ну почему же не заставим? Заставим! – улыбнулась миссис Лю. – Мы же твои родители. Это практически наша работа: тебя заставлять.

Корделия, гневно топая, удалилась в свою новую комнату. Она была вдвое меньше её прежней спальни, и там воняло нафталином. Корделия ненавидела эту комнату. Повсюду громоздились коробки. Они переехали полтора месяца назад, но Корделия упрямо отказывалась разбирать вещи.

«Это несправедливо! – думала она, плюхаясь на кровать. – Ну почему они мне не верят?»

Когда Корделии наконец надоело себя жалеть, она заглянула в Инстаграм, стосковавшись по новостям из настоящей жизни. Зря она это сделала. Увидев, как хорошо её подругам, она почувствовала себя вдвое несчастнее. Хуже всего была фотка нарядных Эвы и Мэйбл, широко улыбающихся в камеру. У Корделии засосало под ложечкой от зависти.

«Ну да, а по мне они совсем не скучают!» – подумала она и отшвырнула телефон.

Чтобы как-то отвлечься, Корделия достала свой потёртый старенький нетбук и принялась читать всё подряд, что могла найти про привидения. Куча сайтов оказались полной ерундой, но все самые толковые сходились на том, что привидения обычно обитают в каком-то месте по одной из двух причин: либо человек там жил при жизни, либо он там погиб.

«Ну, жить в школе Тени тот мальчик никак не мог, – думала Корделия. – Он слишком мал, чтобы быть школьником. Значит, он там погиб...»

Корделии потребовалось время, чтобы собраться с духом для следующего этапа изысканий. Она боялась того, что может узнать. Но наконец науглила «школа Тени гибель». Большинство ссылок вело на информацию об Элайдже Тени, который в самом деле погиб во время пожара в 1929 году – там нашлось даже несколько чёрно-белых фотографий здания, повреждённого пожаром. О самом архитекторе Корделии почти ничего разузнать не удалось: он, как выразился один из авторов, «вёл чрезвычайно уединённую жизнь». Ссылки, не связанные с Элайджей Тени, имели отношение к школьному зрителю по имени Дэвид Фишер. Он проработал в школе Тени больше года, а в 2007 году взял и пропал. Может, он и не погиб, но о нём совершенно точно больше никто ничего не слышал.

О малыше под трибуной там ничего не говорилось.

Тут в дверь постучались. Корделия вздрогнула.

– Корди! – окликнула миссис Лю, заглянув в комнату. – Мы в город. Хочешь с нами?

Не успел фургон с вещами подъехать к их новому дому, как родители Корделии принялись что было сил впаривать ей чудеса Нью-Гэмпшира. Они катались на машине через живописные Уайт-Маунтинс, «Белые горы», плавали на каяке по озеру Уиннипесоки и как-то раз провели целый день, пытаясь пересчитать все здешние исторические крытые мосты. Корделия ненавидела эти поездки всей душой. Хуже всего были визиты в «центр» Ладлоу: одна-единственная улочка, застроенная жалкими магазинчиками и ресторанчиками, и среди всего этого – честный деревенский универсам, торгующий всем подряд, от макарон до запчастей.

– Езжайте без меня, – сказала Корделия. – Мне ещё домашку делать.

– Что, прямо в первый день?

Корделия пожала плечами.

– А мы мороженого купим! – попыталась соблазнить её миссис Лю. – Домашнего!

– «Mitchell's» вкуснее, – возразила Корделия. Они всегда ходили в «Mitchell's» за мороженым, когда ездили в Сан-Франциско. – А потом, я сейчас буду разговаривать по скайпу с Эвой и Мэйбл. Надо же узнать, как дела у нас дома.

– Твой дом здесь, Корделия.

– Я хочу им рассказать про то, что сегодня было. Уж они-то мне поверят!

Миссис Лю тяжело вздохнула, как будто это Корделия вела себя упрямо и неразумно, и закрыла дверь.

Когда родители ушли, Корделия попыталась связаться с Эвой и Мэйбл. Никто не отвечал. Она сердито захлопнула нетбук. «Попробую ещё раз через несколько минут, – подумала она. – Наверняка же им хочется со мной поболтать! Это просто разница во времени. Только и всего».

А пока что Корделия смотрела в потолок и размышляла о том, что она узнала. На самом деле, эта информация вызывала больше вопросов, чем давала ответов.

«Этот мальчик не учился в школе Тени. И не погиб там. Так какого же фи́га он там обитает?»

На следующее утро Корделия проснулась в кислом настроении. К тому времени, как её калифорнийские подружки наконец ответили ей в скайпе, она уже была полусонная, и хотя Корделия понимала, что дело в трёх часах разницы во времени, всё равно это заставило её почувствовать себя ненужной. А от самого разговора стало ещё хуже. Корделия всё пыталась рассказать им про привидение, но Эва с Мэйбл непрерывно тараторили о своём: о своих учителях, о своих друзьях, – Корделия не могла и слова вставить. А к тому времени, как возможность, наконец, представилась, Корделии уже расхотелось им что-то рассказывать.

«Они меня уже забыли», – думала она, глядя в окно на маленькие домики, построенные вдалеке от проезжей дороги. Поездка на школьном автобусе тянулась бесконечно, с громадными промежутками между отдельными остановками. Поскольку поболтать было не с кем, Корделия достала блокнот и цветные карандаши. От рисования ей всегда становилось лучше. Она быстро набросала то, по чему она здесь так тосковала. Крохотная клумба во дворе их дома. Закат над океаном. Она рассеянно перевернула страницу, думая о своём. Может, нарисовать карусель в парке «Золотые ворота»?

Вместо этого она обнаружила, что рисует малыша. Пижамка с вагончиками. Глаза на мокром месте.

– Кто же ты такой? – спросила Корделия.

Один вид этого рисунка вызвал у неё новый приступ ужаса. Но... если этот малыш в самом деле хотел ей зла, отчего же тогда он плакал? Корделии казалось, что она упускает нечто важное. И вместо того, чтобы выкинуть рисунок, когда приехала в школу, она налепила его скотчем на дверцу своего школьного шкафчика. Сама не зная зачем.

– Привет! – сказала Агнеса, протиснувшись между двумя болтающими девочками и подойдя к шкафчику Корделии. На Агнесе была мешковатая зелёная кофта и коричневые треники. В руках она держала шоколадный кекс, тщательно завернутый в вошёную бумагу и перевязанный красной ленточкой. – Мама говорит, если хочешь с кем-то подружиться, надо ему испечь что-нибудь вкусненькое. Так ты продемонстрируешь, что относишься к делу серьёзно. И вот я испекла тебе этот кекс. На самом деле, я испекла целый противень кексов. Нельзя же взять и испечь всего один кекс. Но этот я принесла тебе. Я положила в него орешки, ты же говорила, что у тебя нет аллергии.

– Ничего себе! – воскликнула ошарашенная Корделия. – Ой, как это мило! Спасибо большое!

– Но ты, конечно, можешь не есть, если не хочешь...

– То есть как это не хочу? Хочу, конечно! – сказала Корделия и, широко улыбаясь, сцапала кексик. Она же ещё нарочно утром завтракать не стала, чтобы родители чувствовали себя виноватыми. – Будешь половинку?

Агнеса покачала головой.

– Я же для тебя делала, а не для себя!

Тут она посмотрела за спину Корделии и увидела рисунок с мальчиком.

– Ух ты! Да ты талантливая! А кто это?

Корделия хотела было рассказать Агнесе всё как есть, но тут же отмела эту идею. Даже её родные папа с мамой считают, что это всё у неё в голове. С чего бы вдруг девочке, с которой они едва знакомы, ей верить?

– Да так, никто, – сказала она и закрыла дверцу шкафчика.

По дороге к классу Корделия рассеянно жевала кекс, но даже шоколад её кислого настроения не улучшил. Они проходили ещё одну часть школы, где Корделия пока не бывала. Высокий потолок был украшен медными плитками с цветочным узором, а задёрнутые шторы красного бархата пропускали внутрь лишь намёк на солнечный свет.

– До сих пор не верится, что это школа, – покачала головой Корделия.

– О-о, ты ещё и половины не знаешь! – ответила Агнеса. – Тут целая куча потайных ходов. Например, в глубине подсобки в кабинете словесности госпожи Сони есть дверь, ведущая в секретный коридор – прикинь, седьмому классу на некоторые уроки приходится ходить через подсобку! А в классе мистера Блендера есть люк с лестницей, который ведёт вниз, в библиотеку!

Это, пожалуй, и впрямь было прикольно, но Корделия была в дурном настроении и твёрдо намеревалась дуться и дальше.

– Я-то думала, Элайджа Тени был какой-то выдающийся архитектор, – сказала она. – А по-моему, он просто не соображал, что делает. Вот в моей прежней школе всё было просто и разумно. Я там ни разу не заблудилась – вот вообще ни разу!

Корделия остановилась: она услышала себя со стороны, поняла, что ноет, и ей это не понравилось.

– Я вчера слышала, как двое мальчишек говорили про чердак, – сказала она, решив сменить тему.

– Мэйсон и Реджи? Да, я тоже слышала. Лично я не верю ни единому слову.

– Вот и доктор Рокени так сказала.

– Ты что, директору рассказала? – удивилась Агнеса.

– Ну, мы повстречались в коридоре, и оно как-то всплыло в разговоре. Доктор Рокени говорит, что про чердак это всё просто местная легенда.

– Я уверена, что она права. Кое-кто из восьмиклассников клянётся, что они слышали треск пламени за дверью чердака, но скорее всего они просто пытаются запугать младшеклассников. Сама я никогда туда не ходила и ничего не слышала. Там всё увешано табличками «Вход воспрещён!» Привидений я не боюсь, а вот неприятностей – ещё как!

Агнесе, похоже, сделалось не по себе от одних разговоров об этом. «Эва с Мэйбл только посмеялись бы над этими табличками и наперегонки побежали бы послушать!» – подумала Корделия. Она взглянула на Агнесу, волочашую за собой свой тяжеленный рюкзак на колёсиках. Интересно, эта девочка хоть раз в жизни какие-нибудь правила нарушала?

– Всё ли в порядке? – спросила Агнеса. – Ты какая-то грустная сегодня.

– Да всё нормально, – ответила Корделия. – Наверно, я просто скучаю по своим старым подругам. Они знаешь какие классные!

Корделия поморщилась, сообразив, как некрасиво это звучит, и толкнула Агнесу плечом.

– Ты не думай, моя новая подруга мне тоже нравится!

– Да нет, ничего, – сказала Агнеса с видом покорности судьбе. – Наверняка твои подруги из Калифорнии намного круче меня. Я и не обижаюсь.

– Нет, ну правда же, я ничего такого в виду не имела! – возразила Корделия, обернувшись к Агнесе. – Ты ко мне так хорошо...

Поскольку Корделия не смотрела, куда идёт, она и не увидела мужчину, который вышел из-за угла. Агнеса еле успела схватить её за руку, иначе бы Корделия в него врезалась. Мужчина нёс на плече длинную доску, а в руке – оранжевое ведро.

– Гляди куда прёшь, девочка! – рявкнул он.

Смотритель был великаном с лохматой козлиной бородкой. Корделия знала, что не следует судить о человеке по внешности, однако всё-таки немножко испугалась, особенно когда смотритель уставился прямо на неё. Она увидела у него шрам над левой бровью и ещё один, подлиннее, поперёк шеи.

– Извините... – промямлила Корделия.

Смотритель что-то буркнул и пошёл своей дорогой.

– Это мистер Уорд, – сообщила Агнеса, когда он отошёл достаточно далеко. – По-моему, он довольно страшный.

– Угу... – кивнула Корделия, всё ещё не пришедшая в себя после этой встречи.

– Про него слухи всякие ходят, – шёпотом продолжала Агнеса, когда они пошли дальше. – Много лет назад тут работал другой смотритель. А потом в один прекрасный день взял и исчез.

– Дэвид Фишер, – сказала Корделия. Агнеса с удивлением уставилась на неё. Она объяснила: – Ну, мне вчера вечером стало скучно, и я немножко погуглила... Потом ведь так и не выяснили, что с ним случилось, да?

– Да, – сказала Агнеса. – Но вечером накануне того дня, как он исчез, люди слышали, как они с мистером Уордом ссорятся.

– Из-за чего?

– Никто не знает, – сказала Агнеса. – Но, наверно, они очень сильно поссорились, потому что ходят слухи, будто бы мистер Уорд убил Дэвида Фишера, а труп сжёг в печке, которая внизу.

– Что, серьёзно?! – в ужасе переспросила Корделия.

– Ну, это же только слухи, – ответила Агнеса. – Доказательств-то никаких. С моей точки зрения мистер Уорд – просто ворчливый старикан, который терпеть не может детей. А остальное – местная легенда, как и про чердак.

– Ну да, ты права, – сказала Корделия. – Если подумать как следует, это просто смешно.

С другой стороны, скажи ей кто про привидение ещё несколько дней назад, она бы только посмеялась. Так что, может, и смотритель-убийца не такая уж выдумка... Корделия теперь уже не знала, чему верить.

Теперь, когда все запомнили, как кого зовут, и подписали тетрадки, началась настоящая учёба. Госпожа Пэйтел разделила их на группы для совместной работы над проектом по технике безопасности в лаборатории. Корделия познакомилась с парой ребят, которые ей вроде бы нравились, хотя, конечно, говорить о том, что она с ними подружится, было пока рановато. Миссис Эйкман обсудила с ними предстоящую экскурсию на местное кладбище, где им предстояло зарисовывать надгробия и обсуждать «поэзию эпитафий». Миссис Мэйчен дала очередную пачку заданий. Мистер Дерлет провёл довольно интересный урок, посвящённый тому, как прошлое влияет на будущее, хотя он то и дело отвлекался и забывал, о чём говорит, глядя куда-то вдаль печальными карими глазами. Корделии и самой непросто было сосредоточиться. Пережитый накануне ужас преследовал её, будто лёгкий жар, и она то и дело поглядывала в сторону открытой двери в уверенности, что там сейчас появится этот мальчик.

На шестом уроке у них была физкультура.

Первым её порывом было притвориться больной, чтобы не ходить вообще, но потом Корделия всё же заставила себя пойти. «Рано или поздно всё равно ведь придёт, – подумала она. – А потом, может, на людях-то и ничего. Привидения являются, только когда ты один...» И всё равно войти в спортзал оказалось не так-то легко, особенно когда Корделия увидела, что ребята сидят на трибуне.

– Ты как? – спросила Агнеса. – У тебя такой вид, будто тебя вот-вот стошнит.

– Просто не люблю физру, – сказала Корделия.

Она боязливо прошла через зал и села на самом краешке первого ряда, подальше от детских ручонок, которые могут протиснуться в щель и схватить её.

– Ну, добро пожаловать на урок физической культуры! – сказал мистер Брюс. Он выглядел так, словно в молодости был спортсменом, хотя теперь большая часть мышц переродилась в жир. Он был в красной футболке с буквой А на груди. – Чтобы вы не спрашивали – нет, я не учился в университете Алабамы, как вы могли бы подумать по моей одежде. Я даже не фанат футбольной команды «Crimson Tide».

Он скрестил на груди мясистые руки и гордо улыбнулся.

– Просто у меня ровно сто восемьдесят футболок разных команд! И я каждый день учебного года надеваю новую, в алфавитном порядке, по первой букве того штата, откуда команда. Так что когда я надену футболку «Timberwolves» из Миннесоты, вы сразу поймёте, что сейчас середина учебного года. А когда увидите футболку «Washington Nationals», можете радоваться: значит, лето не за горами!

Пока мистер Брюс говорил, Корделия всё старалась как бы ненароком заглянуть сквозь щели под трибуну. Мальчика не было. Её немного отпустило.

«Может, он прячется, когда кругом слишком много народу, – подумала она. – А может, он сейчас вообще где-нибудь в другой части школы».

Бенджи Нуньес вошёл в спортзал, пряча лицо под капюшоном. Он торопливо миновал учителя и нашёл себе место на трибуне, как можно дальше от всех остальных.

– Бенджи Нуньес! – сказал мистер Брюс и потянулся за папкой, чтобы отметить его присутствие. – Как мило, что ты сообразовал к нам присоединиться. И опоздал-то всего на четыре минуты! Неплохой результат.

Он жестом показал, что снимает капюшон.

– Ну, ты же знаешь правила! И наушники тоже.

Бенджи откинул капюшон, выставив напоказ длинные, волнистые чёрные волосы и угрюмое лицо. И выдернул наушники. Корделия успела услышать гудящие басы, прежде чем он вырубил музыку.

«Как он ухитряется опаздывать на каждый урок?» – удивилась Корделия.

И снова переключилась на мистера Брюса: тот начал перечислять правила поведения на физре. К правилу номер четыре («Внимаем могучему свистку!») Корделия начала успокаиваться. «Мальчика нету, – думала она, – бояться нечего!»

Но через несколько минут снова послышался плач. Корделия застыла.

– Ты слышишь? – шепнула она Агнесе.

– Что?

– Плачет кто-то!

Агнеса внимательно прислушалась и покачала головой. А малыш плакал всё громче, всё настойчивей! Корделия обвела взглядом трибуну. Одноклассники со скучающим видом слушали мистера Брюса.

Они вообще не слышали никакого плача.

«Но как же так?! – удивилась Корделия. – Почему я единственная, кто...»

И тут её взгляд упал на Бенджи.

Парень неловко ёрзал на сиденье и испуганно посматривал вниз. Он взял наушники, болтающиеся у него на шее, и уже начал было запихивать их в уши, потом увидел, что мистер Брюс смотрит в его сторону, и принялся вместо этого тереть провод в руках.

«Он хочет вставить наушники, чтобы не слышать плача! – подумала Корделия и невольно расплылась в улыбке. – Он тоже слышит малыша!»

Корделии захотелось... нет, ей было непременно надо! – поговорить с Бенджи. У неё было столько вопросов! Впервые ли он услышал это привидение? Не знает ли он, что это за мальчик? Однако, разумеется, это не то, о чём стоило говорить прямо на уроке физры. Кор-

делии пришлось ждать, пока закончится разминка, а потом ещё бесконечная игра в кикбол, прежде чем она, наконец, смогла сделать свой ход. Но вот прозвенел звонок. Корделия бросилась к Бенджи, который собирал свои вещи со скамейки. Наушники были уже у него в ушах.

– Привет! – сказала она. – Меня Корделия зовут. Можно с тобой поговорить?

Бенджи как будто и не заметил, что она к нему обращается. Он накинул капюшон, юркнул между расходящихся одноклассников и исчез за углом.

5 Короткий матч

Поймать Бенджи Нуньеса и поговорить с ним как следует оказалось решительно невозможно. Он всегда входил в класс последним, обычно уже после того, как учитель начнёт урок, а уходил первым, срываясь с места, как только прозвенит звонок.

Где он обедал, Корделия понятия не имела. На больших переменах она его вообще не видела. Этот парень был мастер избегать людей.

Корделия даже попыталась проследить за ним по пути с урока на урок, просто чтобы узнать, почему он опаздывает. Оказалось, что Бенджи выбирает самый головоломный и извилистый маршрут из всех возможных, так что вместо двух минут у него на дорогу уходит десять.

Ненормальный какой-то.

Бенджи Нуньес оставался для Корделии загадкой, зато она очень много узнала про Агнесу. Её семья проводит лето, путешествуя по национальным паркам, она никогда не смотрела кино для взрослых, она хочет стать учёным-экологом, когда вырастет. Девочки успели неплохо сдружиться. Не то, чтобы между ними было много общего, но им обоим был нужен друг. Иногда этого достаточно.

– Слушай, ну что такое с этим Бенджи, а? – наконец однажды спросила Корделия у Агнесы.

– Тебе виднее, – многозначительно улыбнулась Агнеса. – Это же ты с него целыми днями глаз не сводишь!

– Ну я же не... – начала Корделия. – Это же не то, что он мне нравится! Он мне даже не друг! Мне просто... просто интересно.

– Я тебе расскажу всё, что знаю, – сказала Агнеса, – но только если мы пойдём быстрее. Я не хочу опаздывать.

– Сейчас же математика! – поморщилась Корделия. – В коридоре хорошо. А на математике плохо.

– Ну миссис Мэйчен же приятная.

– Да, это тебе она приятная, потому что она тебе позволяет весь урок сидеть за нетбуком! Тебе даже слушать не обязательно.

– Ну я же не виновата, что школьная математика для меня слишком лёгкая! – воскликнула Агнеса. – А работать на этих сайтах вовсе не так здорово, как кажется. Это довольно

скучно, и к тому же другие ребята на меня за это злятся. Вон, вчера Мэйсон кинул мне в волосы фантик от жвачки, и даже Кейт Мьюлони смеялась! А я-то думала, мы с ней друзья.

– Кейт Мьюлони ходит как пингвин, – заметила Корделия. – А миссис Мэйчен ты не сказала?

– Да ну ещё! – ответила Агнеса. – И так все думают, что я к учителям подлизываюсь. Только этого мне не хватало.

Агнеса явно была самая умная во всём классе, но Корделия не думала, что она подлизывается к учителям. Похоже, учителя её даже не очень-то любили. Она была не из тех, кому всё даётся играючи, как Аарон Уэбер, который не говорил, пока его не спросят, и на всех тестах получал сто баллов. А Агнеса задавала вопросы, которых учителя не понимали, да ещё и поправляла учителей, когда они ошибались. Так что Корделия подозревала, что если Агнесе дают дополнительные развивающие задания, то только затем, чтобы она не мешала.

– Да не переживай ты так из-за того, что кто-то там думает! – утешила Корделия, приобняв Агнесу. – Они тебе просто завидуют, потому что ты гениальная.

– Ну да, наверно... – протянула Агнеса.

– Ну всё, давай, рассказывай про Бенджи!

– Про которого Бенджи? Этого или прошлогоднего?

– Чего-чего?

– Год назад он был совершенно другим, – сказала Агнеса. – Непрерывно смеялся и болтал. Всеобщий любимец, но при этом не противный, как бывает с популярными детьми. И отлично играл в футбол. Помог сборной нашего города выиграть какой-то крупный кубок.

– И что же случилось? – спросила Корделия.

– Я не знаю! – сказала Агнеса. – Вдруг, ни с того ни с сего, Бенджи принялся прогуливать школу. Бросил футбол. Ходили слухи, что он сильно болеет. А потом один раз на естествознании он вдруг заорал, и орал не переставая до тех пор, пока за ним не пришла медсестра. И после этого он долго не ходил в школу. Говорили, будто он сошёл с ума.

Агнеса пожала плечами.

– А когда он, наконец, вернулся, это был совершенно другой Бенджи. Постоянно где-то в своём собственном мире. Наушники. И капюшон.

«Наверно, в прошлом году Бенджи впервые увидел привидение, – подумала Корделия. – Оттого и психанул».

Корделия точно знала, что он чувствовал.

– А чего ты так Бенджи Нуньесом интересуешься? – спросила Агнеса. – Нет, серьёзно?

– Наверно, мне его жалко, – ответила Корделия, почти не кривя душой. – Ему нужен друг. Проблема в том, что я никак не могу с ним поговорить. Его фиг поймашь.

– Я знаю, что на большой перемене он играет в футбол за школой. Попробуй поймать его там.

– Спасибо, Агнес! – сказала Корделия. – Я попытаюсь.

Они пришли на математику. Корделии многие улыбнулись или помахали рукой. Лили Чен спросила, как она решала четырнадцатый пример из вчерашней домашки.

С Агнесой вообще никто не разговаривал.

Был холодный осенний день. Корделия остановилась, чтобы застегнуть молнию на своём новом пальто. Несколько шестиклассников тусовались под деревьями, любители спорта играли в квадрат на асфальтированной площадке или в футбол на лужайке рядом с автостоянкой. Корделия пошла по обсаженной деревьями дорожке, огибающей школу. Справа от неё осталась пустынная детская площадка. Там гуляли пятиклашки, у которых большая перемена была после следующего урока, а ребята постарше туда не ходили. Миновав одинокие качели, Корделия пришла к деревянной калитке, втиснутой между каменным забором вокруг школы и самой школой. Из-за калитки доносились приглушённые удары мяча.

Она вышла за калитку и увидела Бенджи, который стучал мячиком о заднюю стену школы.

Корделия в футболе разбиралась ровно настолько, чтобы знать, что мячик надо загнать в ворота, но даже ей было видно, что играть Бенджи умеет. Мяч со свистом проносился в воздухе и раз за разом ударялся в одно и то же место на стенке.

Когда Бенджи играл в футбол, он совсем не выглядел угрюмым. Он выглядел беззаботным. Счастливым. Нормальный шестиклассник, резвящийся на переменке.

Но стоило его окликнуть, и Бенджи как подменили.

– Чего тебе? – спросил он, подхватив мячик и прижав его к груди. – Зачем пришла?

Он был не просто раздражён – он был в отчаянии. Корделии сделалось не по себе. «Это его тайное убежище, а я всё испортила!»

– Я тоже вижу привидение, – сказала она.

После первого неподдельного потрясения Бенджи сделал вид, как будто ничего не понимает. У него даже почти получилось.

– Понятия не имею, о чём ты! – буркнул он и пошёл прочь. Ну, это уж слишком! Корделия целую неделю пыталась всего-то навсего поговорить с этим мальчишкой, и сейчас она не собиралась отпускать его вот так, за здорово живёшь!

Она забежала вперёд и преградила Бенджи дорогу.

– Я знаю, что ты слышишь того плачущего малыша! – заявила она, тряся пальцем у него перед носом. – Может, от всех остальных ты это и скрываешь, но от меня не скроешься!

– Какого ещё малыша? – презрительно фыркнул Бенджи. – При... привидение?

На слове «привидение» он запнулся.

– Ага, боишься! – сказала Корделия. – И правильно делаешь! Мне тоже страшно – но если мы возьмёмся за дело вместе, мы с тобой...

Бенджи обогнул её молниеносным броском – на футбольном поле защитники остались бы с носом. И направился к другому концу школьного здания, на ходу доставая из кармана наушники. Корделия ощутила нарастающую беспомощность.

«Надо что-то делать! – подумала она. – Другого случая поговорить с ним наедине может и не представиться!»

– Футболист из тебя фиговый! – крикнула она ему в спину.

Бенджи застыл как вкопанный – на что она и рассчитывала. Корделия по опыту знала, что у спортивных мальчишек самомнение огромное, но уязвимое.

– Что ты сказала?! – осведомился он. Теперь-то он слушал её в оба.

– Футболист, говорю, ты фиговый. Играть не умеешь. Небось поэтому и прячешься тут за школой. Стыдно, да?

– Да что бы ты понимала! – сказал он и подошёл на несколько шагов ближе. – Да я в прошлом году забил больше всего голов во всей нашей лиге!

– Так это в прошлом году, – отвечала Корделия. – А теперь тренировки забросил, и вот! А может быть, – она напустила на себя сочувственный вид, – ты травму получил? Ты поэтому нормально бить по мячу не можешь?

Щёки у Бенджи вспыхнули.

– У меня отличный удар!

– Да? А ну, докажи! – сказала Корделия, скрестив руки на груди. – Вот я встану к стенке, будто я вратарь. А ты попробуй забить мне гол. Сумеешь?

– Даже не просыпаясь!

– Ага, в смысле, только во сне? – фыркнула Корделия. – Вот попробуй, забей мне гол, и я с тобой вообще никогда больше разговаривать не стану. Даже не посмотрю в твою сторону. Честное слово!

– Мне нравится этот план!

– Но если я отобью мяч, ты мне расскажешь всё, что знаешь о привидении, которое обитает в спортзале!

Когда она сказала «привидение», она снова увидела, как на лице Бенджи мелькнул страх. Вот и хорошо! Именно на это она и рассчитывала, чтобы её план сработал.

– Говорю же тебе, – сказал Бенджи, – нет там никакого...

– Ну так что, Бенджи Нуньес, договорились? – перебила Корделия. – Если ты не согласен, не беда. Я приду завтра и спрошу снова.

Она окинула взглядом его уголок, как будто собиралась тут дом покупать.

– А тут славно! Знаешь, наверно, я тоже буду сюда ходить. Каждый день. Каждый!

– Ну ладно, – процедил Бенджи сквозь стиснутые зубы. – Я тебе расскажу всё, что ты хочешь знать – если ты перехватишь мяч. Но только этого не случится!

Они вернулись к стене и обозначили ворота: от кучки щебня с одной стороны до длинной вертикальной трещины с другой. Бенджи отошёл ярдов на восемь. Корделия сделала «мельницу», попрыгала, будто боксёр, готовящийся к бою. Ей казалось, что это именно то, что сделал бы настоящий вратарь.

Бенджи посмотрел на неё странно.

– А ты в футбол-то вообще играла когда-нибудь? – спросил он.

– Удивительное дело! – ответила Корделия. – Когда я увидела, как ты бьёшь, мне как раз захотелось задать тебе тот же вопрос.

Бенджи шваркнул мячик в траву и отошёл на несколько шагов для разбега.

Корделия присела, размяла пальцы. «Надо точно выбрать нужный момент. Иначе не работает».

Бенджи устремился вперёд, плавно работая согнутыми в локтях руками.

Он смотрел на мяч, готовясь к мастерскому, точному удару, после которого мяч должен был со свистом угодить точно в цель. Бенджи занёс ногу...

– Привидение! – заорала Корделия, указывая ему за спину.

Бенджи тихонько взвыл от ужаса и развернулся всем корпусом. Однако его нога по инерции завершила удар, скользнула по мячу, и тот вяло покатился в сторону Корделии.

Девочка подхватила мячик.

– Где?! – спрашивал Бенджи, лихорадочно озираясь и пятясь в сторону Корделии. – Где привидение? Я его не вижу!

Он увидел мяч в руках Корделии, и лицо у него вытянулось: он всё понял. Корделия не чувствовала себя победительницей – ей было неловко. План-то сработал, но это был просто дешёвый трюк.

– Извини, – сказала она.

– Ну ты и вредина! – сказал Бенджи, но при этом чуть улыбнулся, как будто бы оценил её находчивость. Она решила, что этот Бенджи Нуньес, может, не такой уж плохой парень.

Тут прозвенел звонок.

– Пора идти! – сказал Бенджи.

– Ещё чего! – сказала Корделия, хватая его за локоть. – Ты должен мне рассказать всё, что знаешь! Ты же обещал!

– Я расскажу, – с серьёзным видом ответил Бенджи. – Но сейчас просто некогда. Встретимся у шкафчиков после школы, идёт? Я тебе расскажу всё, что знаю про мальчика. И про остальных тоже.

Корделия не сразу осознала, что означают слова Бенджи.

– Про каких «остальных»? – переспросила она.

6

Экскурсия по привидениям

Корделия появилась у шкафчиков в три часа с небольшим. Бенджи уже ждал её, привалившись к стенке и упёршись в неё согнутой ногой. Лицо у него было полно решимости, как будто разговор с Корделией был неприятной обязанностью, которую надо исполнить как можно быстрее. Она постаралась не принимать это близко к сердцу.

– Ну, какие наши планы? – спросила Корделия.

– Мы пройдем по школе, – ответил Бенджи. – Я тебе всё расскажу. И после этого мы с тобой больше не разговариваем.

И не успела Корделия ответить, как он уже шагал вперёд.

Она последовала за ним.

В это время, когда в классах сделалось тихо и в коридорах не было учеников, школа Тени казалась ещё более жуткой. Время от времени Корделии и Бенджи встречался кто-нибудь из учителей, торопящихся на автостоянку. И никто у них не спросил, куда они и зачем. Корделия подозревала, что взрослым здешняя гнетущая тишина нравится ничуть не больше, чем ей самой.

– А ты всегда видел привидения? – спросила она.

– Нет, только в школе Тени. А больше нигде и никогда.

– А когда это началось? – спросила Корделия. – И кого из призраков ты увидел первым?

– Придём, тогда расскажу, – ответил Бенджи.

– Куда придём?

Бенджи ничего не ответил и зашагал ещё быстрее. Поперёк тёмного деревянного пола коридора от двери к двери тянулась ковровая дорожка баклажанового цвета. По сторонам обеих дверей стояли высокие каменные вазоны. Растения в них давным-давно засохли.

Они миновали учительницу с начёсом и длинными серьгами с висюльками. Учительница изучала чёрную доску для объявлений, как будто это была музейная витрина.

– Некоторые учителя так переживают из-за своих досок с объявлениями! – шепнула Корделия, пытаясь разрядить атмосферу непринуждённой болтовнёй. – Можно подумать, будто их кто-то читает!

Бенджи улыбнулся, чего она уж никак не ожидала. Потом перевёл дух, будто собирался прыгнуть в воду, и заговорил.

– Впервые я увидел привидение в прошлом году, – сказал он. – После футбольной тренировки. Мистер Брюс – он наш тренер, – попросил занести конусы и другой инвентарь в темницу. Мы так называем кладовку, где лежит всякая спортивная снаряга. Мистер Брюс всегда просил меня убрать инвентарь. Потому что там темно и многие другие ребята боятся. Ещё же все эти истории. Про вещи, которые двигаются сами собой, про странные звуки... Но меня это не тревожило. Я тогда ничего не боялся.

Капюшон у Бенджи был откинут, но он теребил завязки, как будто ему хотелось снова спрятаться в свою раковину.

– И что случилось? – спросила Корделия.

– Обе руки у меня были заняты, и мне пришлось бросить всё на пол, чтобы отворить дверь. Внутри было темно. Я видел одни только силуэты. Наплечники. Ключки. Хоккеисты никогда своё барахло как следует не убирают. Я дёрнул за верёвочку, зажглась лампочка. В глубине комнаты на стремянке стояла женщина и что-то искала на полке с бейсбольными масками и перчатками. Одежда на ней была такая, старомодная: длинное платье и такая прикольная шляпа. Я сказал что-то дурацкое, «Привет!» или что-то вроде, но женщина мне ничего не ответила. Это всё выглядело ужасно странно, но при этом я не сразу завопил про себя: «Это привидение!», понимаешь? Я подумал, что это, ну, чья-нибудь мама пришла помочь убрать или, может, ищет перчатку своего сына среди запасных. Мало ли, бывает! Но потом...

Они проходили мимо чернокожего бородача в вязаной жилетке. Он сидел за столом в небольшой рекреации и держал газету у самого носа. В отличие от прочих учителей, он, похоже, совсем не торопился домой.

Корделия хотела было помахать ему, просто из вежливости, но Бенджи заставил её опустить руку.

– Не беспокой его, – шепнул он. – Он пытается читать.

Когда они прошли мимо, Бенджи продолжил свой рассказ.

– Когда я увидел, что женщина не обращает на меня внимания, я забеспокоился. Я подумал, что она, может быть, – ну, я не знаю, больна или что-нибудь. Что ей нужна помощь. Поэтому я подошёл поближе и попытался дотронуться до её руки, но моя рука прошла насквозь. Я ощутил только...

– Холод, – сказала Корделия. – Как будто сунул руку в ведёрко со льдом.

Бенджи кивнул.

– Ага. Именно такое ощущение.

Корделию накрыло тёплой волной облегчения. А то до сих пор она всё-таки чуточку беспокоилась, что все эти призраки существуют только у неё в голове. Но вот эта подробность насчёт руки развеяла последние сомнения. Таких совпадений не бывает.

– И что было потом? – спросила Корделия.

– Ну что-что? Психанул я! Бросил весь инвентарь и удрал. Ох и досталось мне на следующий день от мистера Брюса!

– Так ты поэтому футбол бросил?

– Нет, – с болезненной гримасой ответил Бенджи. – Футбол я бросил потом. Просто та тётка в темнице была только первой. После этого я начал видеть привидения повсюду.

– Ничего себе! – сказала Корделия. – Похоже, мне ещё везёт. Я только мальчика вижу.

Бенджи фыркнул.

– А что? – спросила Корделия.

– Тот дядька с газетой. Женщина у доски с объявлениями. Это были привидения!

Корделия застыла как вкопанная и недоверчиво уставилась на него.

– Да ты гонишь!

– А ты думаешь, почему я тебя этой дорогой повёл? – спросил Бенджи. – Я хотел убедиться, что ты в самом деле их видишь. Я в прошлом году рассказал некоторым пацанам из

футбольной команды, что происходит, так они меня задразнили. Мне надо было убедиться, что ты не издеваешься, а правда их видишь.

– Так это была проверка?! – переспросила Корделия. – А тебе не пришло в голову, что стоило бы заранее предупредить о том, что я окажусь так близко от настоящих привидений, а?

– Да ты небось и ближе оказывалась, просто не знала об этом, – ответил Бенджи. – Ты не встречалась с женщиной, которая всё время пялится в свой мобильник? Рядом с главной лестницей?

Корделия вспомнила свой первый день в школе и медленно кивнула.

– А как насчёт мужчины в сером костюме, который смотрит в окно?

Корделия снова кивнула.

– Привидения всё время держатся на одном и том же небольшом пятачке, – продолжал Бенджи. – За столом, как человек с газетой. В спортзале, как тот мальчик. Есть ещё врачиха в зелёном костюме, которая в основном торчит в подсобке, но иногда проносится по коридору с поднятыми руками. Всегда очень быстро, как будто её срочно вызвали в операционную.

– Я её видела...

Корделию передёрнуло от страха и ещё немного от стыда: ну как же она не догадалась?

– А я-то подумала, это учительница естествознания... Вот я тупая!

– Да нет, – возразил Бенджи. – Ты упёртая и командовать любишь, это да, но голова у тебя варит. Я и сам через это всё проходил поначалу. Я так думаю, твой разум придумывает всякие отмазки, чтобы объяснить то, чего он не понимает.

Корделия судорожно сглотнула, прежде чем задать следующий вопрос. Во рту у неё пересохло.

– А ты ни с кем из них не разговаривал?

Бенджи на неё посмотрел как на ненормальную.

– Ты чего?! На фига?!

– Ну, может, они могли бы объяснить, почему они здесь...

– Мне это ни к чему, – сказал Бенджи. – А потом, всё равно ничего бы не вышло. Призраки не разговаривают.

– Но мы же оба слышали, как тот малыш плачет!

– Ну да, звуки они издают. В основном плачут, когда такое случается, но в прошлом году был один, который хихикал.

Он отвёл глаза и снова принялся теребить завязки на капюшоне.

– Очень мне это не понравилось... Но говорить они не говорят.

Эта информация вызвала у Корделии множество новых вопросов. «А понимают ли они то, что говорим мы? Почему они молчат – нарочно? Или просто не могут говорить?» Но судя по виду Бенджи, он её любопытства не разделял. Для него привидения были просто проблемой, от которой ему хотелось избавиться.

– А сколько их тут всего? – спросила Корделия.

– Количество всё время меняется. Появляются новые. Старые исчезают.

– То есть как исчезают? Вроде как... умирают? Но они ведь уже...

– Я тоже этого не понимаю, – сказал Бенджи. – Просто делаю всё возможное, чтобы с ними никогда не встречаться.

– Так ты поэтому всё время опаздываешь на уроки, да? – спросила Корделия. – Ты ходишь длинным путём, чтобы не встречаться с призраками! И наушники носишь, чтобы их не слышать.

– Ну да, – стыдливо сознался Бенджи, – так всё же лучше... Я говорил родителям, думал, что можно просто перевестись в муниципальную школу на другом конце города, но это не так-то просто. Застрял тут. Единственный выход – перевестись в платную. Я знаю, что мама с папой меня бы перевели, если бы я попросил – они ради меня и сестёр на всё готовы, –

но они и так уже на двух работах впахивают. Платить за частную школу они разорятся. Так что я им сказал, что я всё это выдумал.

Корделия внезапно почувствовала себя страшной эгоисткой. А она-то только и делает, что ноет из-за переезда в Нью-Гэмпшир, потому что папа работу потерял. А Бенджи, вон, каждый день с ужасами встречается, только чтобы родителей не расстраивать...

В результате она куда больше заужала Бенджи – и куда меньше себя самоё.

– Ну, теперь нам будет легче, раз нас двое, – сказала Корделия.

Она ожидала, что Бенджи замотает головой и пошлёт её на фиг, но он вместо этого сунул руку в сумку с учебниками и достал аккуратно сложенный листочек. И протянул его Корделии.

– На, это тебе, – сказал он. – Это план школы. Места, куда лучше не соваться, я обвёл красными кружочками.

Корделия развернула план. Красных кружочков было очень много, особенно на верхних этажах.

– Оно всё постоянно меняется, – сказал Бенджи, – но для начала и это неплохо. Мы можем делиться информацией. Стирать призраков, которые исчезли. И предупреждать друг друга о новых.

– А я-то думала, ты собирался со мной вообще не разговаривать после сегодняшнего! – улыбнулась Корделия.

– Ты извини, – ответил Бенджи, откидывая волосы со лба. – Мне просто надо было убедиться, что ты всерьёз. Но на самом деле, конечно, хорошо, когда есть с кем об этом поговорить.

– Да, я тебя понимаю.

Они пошли обратно к главному выходу. Корделия сказала родителям, что после школы задержится на дополнительные по математике. Папа должен был подъехать и забрать её с минуты на минуту.

– А ты уверен, что больше никто об этом не знает? – спросила Корделия, спускаясь по лестнице.

– Почти уверен, – сказал Бенджи. – Я не знаю, почему мы единственные, кто их видит. И главное, Корделия, не обращать на них внимания. Не разговаривай с ними. И не смотри в их сторону.

– Почему?

– Если на них не обращаешь внимания, они тебя вроде как не видят, – объяснил Бенджи. – Но если они тебя застукают на том, что ты на них пялишься, они тебя замечают!

Корделия кивнула, вспомнив свою встречу с малышом. Он же поначалу вообще никак не реагировал на её вопросы. И только после того, как она попыталась до него дотронуться, он стал реагировать на её присутствие.

– А что будет, если на них смотреть? – спросила Корделия.

– Не знаю! – дрожащим голосом сказал Бенджи. – И знать не хочу, если честно.

7 Очки

Теперь, когда Корделия знала, что их школа кишит привидениями, она старалась никуда не ходить в одиночку. Даже мысль о том, чтобы пройти по коридору, заполненному народом, вселяла в неё страх. Она же не всех знает, кто тут учится. Откуда ей знать, кто из них живой, а кто мёртвый? Оставалось только придерживаться маршрута, проложенного на плане, и ходить, глядя в пол.

Однако прошло несколько недель, и, странное дело: Корделии надоело бояться! Она стала чаще смотреть по сторонам и временами решалась ходить одна. Один раз она даже красноречиво взглянула на привидение. Это был рыжий коротышка. Корделия спросила себя, а чего в нём вообще страшного. Это было всё равно, что фильм, который тебя ужасно напугал в детстве, а потом посмотришь ещё раз – а там, оказывается, ничего такого и нет.

И она вдруг перестала бояться.

Ей сделалось любопытно.

Каждый призрак был ходячей загадкой. Ну да, пожалуй, ей было чуточку страшновато, однако вопросы, которые звучали в голове у Корделии, заглушали стук её колотящегося сердца.

«Кем они были, пока были живы? Как они очутились здесь, в школе Тени? И почему их никто не видит, кроме нас с Бенджи?»

Вместо того, чтобы избегать призраков, Корделия нарочно перестроила свои маршруты таким образом, чтобы встречаться с ними как можно чаще. Каждое привидение, похоже, обитало в своём собственном мирке, окружённом невидимыми стенами. Морщинистый старик в бейсболке с эмблемой «Детройтских тигров» расхаживал взад-вперёд вдоль стеллажей библиотеки, заложив руки за спину. Девочка, ровесница Корделии, сидела за пустой партой и ждала начала урока, который так никогда и не начнётся. Они не всегда были там, в этих «зонах призраков», как окрестила их Корделия, но нигде больше она их не встречала. Их действия повторялись, будто закольцованный видеоролик. Девушка с четвёртого этажа смотрелась в зеркало в туалете, делала губки бантиком и поправляла причёску, как будто собиралась на свидание. На кухне в столовой плотный мужчина копировал движения человека, пекущего кекс: насыпал муку, вбивал яйца, замешивал, открывал дверцу духовки – а потом начинал всё заново.

Один раз Корделия устала смотреть на него слишком открыто – и повар её заметил.

Он аккуратно положил на стол свою невидимую ложку и направился к ней. Корделия бросилась бежать со всех ног и обернулась, только оказавшись на безопасном расстоянии. Повар

стоял на пороге кухни, упёршись ладонями в невидимую преграду. Он по-прежнему смотрел на Корделию, но он достиг пределов своей зоны и не мог идти за ней дальше.

Он не выглядел страшным. Он выглядел очень несчастным.

Через несколько дней Корделия рискнула вернуться. Повар не обратил внимания на её присутствие – как будто на ресет нажали. Корделия вздохнула с облегчением – и тут же сообразила, как ей повезло.

«А что, если следующий призрак окажется проворнее? Что, если не все они добрые, а?»

После той встречи с поваром Корделия вновь принялась избегать привидений. Мало ли что ей любопытно! Она понимала, что рисковать опасно.

Всех, кроме малыша.

Корделия забегала к нему каждый день, либо на переменах, либо на несколько минут после уроков, перед отправлением школьных автобусов. Под трибуну она больше не лазила. Вместо этого Корделия садилась сбоку от трибуны, наполовину развернувшись в сторону мальчика и глядя на него краем глаза. Поначалу малыш всё время плакал. Но потом Корделия принялась с ним разговаривать. Она рассказывала о том, как она жила в Калифорнии и как до сих пор скучает по тамошней жизни. Рассказывала про учителей. Про госпожу Пэйтел, которая задаёт кучу домашки, но зато интересно говорит про науку. Про мистера Дерлета, который всегда умел рассказать какой-нибудь неизвестный факт или легенду, благодаря чему история оживала. Про миссис Мэйчен, которая заставила Майкла Дэвиса переделывать сорок примеров на деление столбиком только за то, что он в одном месте потерял точку в десятичной дроби.

Корделия всё говорила и говорила, и постепенно малыш плакал всё меньше и меньше. Он подходил всё ближе в своих съехавших набок очочках, усаживался у выхода из-под трибуны и слушал её. Через неделю Корделия наконец рискнула посмотреть ему в глаза.

– Кто же ты такой? – спросила она.

Малыш посмотрел на неё непонимающе. Корделия подозревала, что он знает об этом не больше, чем она сама.

Раньше Хеллоуин был любимым праздником Корделии, но без Эвы и Мэйбл всё было уже не то. Нет, она всё равно могла бы пойти по домам за сладостями, если бы Агнеса проявила хоть какой-то энтузиазм, но после той прошлогодней истории с Мэйсоном Джеймсом и коробкой яиц Агнеса поклялась, что она в этом больше не участвует. В конце концов Корделия даже костюм себе добывать не стала. Вместо этого она провела Хеллоуин за своим нетбуком, лопаю ириски с кукурузным сиропом и читая про привидений. Обычно она разыскивала в первую очередь всякие ужасы, но опыт взаимодействия с малышом надоумил её попробовать иначе.

«Хорошие духи», – загнулила она.

Гугл выдал ей список сайтов с парфюмерией, пришлось уточнить запрос.

«Хорошие духи мёртвые», – вбила она, а потом закинула в рот сразу горсть ирисок и добавила: – «печальные».

Первый же сайт, на который она кликнула, оказался блогом, который вела семейная пара охотников за привидениями. Они утверждали, что духов жестоко оклеветали и что на самом деле они не имеют никакого отношения к тем жутким созданиям, которых показывают в фильмах ужасов. Все привидения, которых они встречали за тридцать с лишним лет, были «заблудившиеся безобидные странники, застрявшие в мире, которому они больше не принадлежат».

Корделия, разинув рот, перечитывала эту фразу снова и снова.

«Заблудившиеся безобидные странники»...

Она как будто бы мысленно преодолела реку вброд и перед ней раскинулось множество волнующих новых идей. Она вспомнила всех призраков, которых видела. Плачущий мальчик. Грустный повар, который не мог выйти со своей кухни вслед за ней. Человек в сером костюме, смотревший на неё из окна...

Всё сходилось.

– Они не опасны! – воскликнула Корделия. – Они в ловушке!

Она заново исполнилась решимости, и её пальцы вновь забегали по клавиатуре. «Им надо помочь, – думала она, – а не прятаться от них!» Корделия искала, как помочь призраку вырваться из «материального мира» и перейти на следующий «план бытия». Она листала блоги. Смотрела ролики на YouTube. Читала статьи на Reddit.

Насколько поняла Корделия, призраки могут испытывать проблемы с тем, чтобы «уйти», по самым разным причинам. В кино это непременно что-нибудь впечатляющее, вроде желания отомстить за своё убийство, но на самом деле с настоящими привидениями это не обязательно так. Например, одна недавно скончавшаяся бабуля ещё несколько дней скиталась по дому, чтобы убедиться, что её любимого котика благополучно пристроили. А один скарредный супруг преследовал свою жену до тех пор, пока она не перестала оставлять на ночь свет в коридоре. Хозяин грязного «Мерседеса» всё пытался ещё раз съездить на мойку. Эти привидения особенно напомнили Корделии тех, что обитали в школе Тени. Повар, пытающийся испечь кекс... Женщина, глядящаяся в зеркало... Учительница, не сводящая глаз с доски с объявлениями... У каждого из них было нечто, что они хотели и не могли завершить. Ничего особенно важного. Просто часть обыденной жизни. И, как и остальные привидения, они не смогут уйти, пока...

«Но ведь не может же быть, чтобы всё было так просто, а?»

Разум Корделии работал на максимальных оборотах. У неё уже почти сложился план. Она знала: Бенджи скажет, что это слишком опасно, но она должна была попытаться, хотя бы затем, чтобы узнать, что будет.

Минут через десять родители постучались в её комнату и сказали, что ненадолго уходят, пополнить запасы конфет. И очень удивились, когда Корделия спросила, можно ли ей тоже с ними.

Ей надо было кое-что купить.

На следующий день Корделия неуклюже отделалась от Агнесы и выскользнула из столовой. Бенджи ждал её у шкафчиков. Сегодня на нём была коричневая толстовка.

– А знаешь, – сказала ему Корделия, – есть такие штуки, называются «рубашки». Как толстовки, только с пуговицами. Попробуй, вдруг понравится!

– Это не приживётся, – ответил Бенджи. – Ну, зачем ты меня вызвала?

Следующий вопрос он сформулировал завуалированно, на случай если кто-то из проходящих мимо учеников их подслушает:

– Что, ещё один красный кружок на плане появился?

– Нет, лучше! – ответила Корделия, лукаво сверкнув глазами. – Я тут хочу попробовать одну штуку.

– Не нравится мне, как это звучит.

В отличие от Корделии, Бенджи вовсе не стремился побольше узнать о призраках. Он старался даже не глядеть в их сторону, как будто они некие Медузы Горгоны, один взгляд которых способен обратить в камень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.